

А.С. Сенявский

д.и.н., гл.н.с. Институт экономики РАН (Москва)

БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА СВЕРТЫВАНИЮ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ?

Аннотация. В статье рассмотрена логика развертывания постреволюционных процессов до начала 1930-х гг. Показано, что военный коммунизм был инструментом выживания в катастрофе, НЭП – выход из нее. Доказывается, что инструментом развития НЭП не стал и стать не мог. Вступая в неразрешимое противоречие с политической системой, выросшей из революции и гражданской войны, он изначально рассматривался как вынужденное отступление, как тактическое средство социально-политической стабилизации и экономического восстановления, но не как стратегия развития и комплексной модернизации. Частично решая одни проблемы, НЭП порождал другие, в том числе новые диспропорции в экономике, социальные противоречия, нес угрозу власти. А главное, он оказался несостоятелен в контексте осознаваемой внешней угрозы и необходимости форсировано преодолеть отставание от потенциальных противников в будущей большой войне. Многочисленные кризисы НЭПа лишь ускорили его поэтапное свертывание. Переход к планово-мобилизационной модели развития явился последним актом исторической драмы, закономерным итогом фактического саморазрушения НЭПа.

Ключевые слова: *новая экономическая политика, противоречия, кризисы, форсированная индустриальная модернизация, мобилизационная модель развития.*

JEL: B24, N24, N44.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10309

НЭП как «неожиданная» необходимость

Для понимания судьбы новой экономической политики крайне важен широкий (внутренний и внешний) исторический контекст, ретроспектива и перспектива, а также представление о природе политической силы и психологии деятелей, принимавших судьбоносные решения.

Когда большевики втягивались в революцию 1917 г. (затяжную не ими, а доморощенными либералами и «иноагентами», вскоре утратившими контроль над событиями), их лидеры руководствовались принципом Наполеона (сначала ввязаться в бой, а там видно будет). И такой подход «действий по обстановке» (естественный для военной тактики, но сомнительный для политической стратегии) стал характерным для большевиков на многие годы. В нем было немало революционной романтики и много авантюризма, придававшего спонтанности и решительности действиям. Ориентиром для них были лишь туманное учение классиков марксизма (раскрывших реалии настоящего – «язвы капитализма», но ничего не знавших о будущем и еще в середине XIX в. нарисовавших образ «бродящего призрака» коммунизма) да опыт Великой французской революции конца XVIII в. (с которым они себя и свое «якобинство» постоянно соотносили). Большевики шли на ощупь, как по минному полю. Часто «везло», и тогда, увлекаясь, забегали вперед или совсем не туда. И лишь жесткое сопротивление материала заставляло корректировать политику, делая ее более прагматичной.

Следует подчеркнуть, что любые экономические решения большевиков были подчинены внеэкономическим, прежде всего, идеологическим и политическим задачам: удержанию и укреплению своей власти, трансформации общества, попыткам экспорта мировой пролетарской революции (без нее большевики не видели возможности победы социализма в преимущественно крестьянской России, а свою страну рассматривали как плацдарм для революции в Европе). Вместе с тем сила большевиков заключалась в способности отказываться от идеологических догм, приносившаяся к обстоятельствам, совершать маневр, но при этом не терять общей стратегической перспективы.

Вдохновленные легкостью, с которой удалось «перерастание буржуазной революции в социалистическую» (то есть захват ими власти), большевики, реализовав свои популистские лозунги (отобрать земли у помещиков, установив «похабный Брестский мир» и рабочий контроль на фабриках и заводах), развернули «красногвардейскую атаку на капитал».

Эксперименты встретили сопротивление. Реакцией власти стало создание карательных органов (ВЧК) и регулярной Красной армии, система мер военного коммунизма (заимствованных во многом из опыта воевавших стран, а частью введенных еще империей и Временным правительством). Нараставшее сопротивление переросло в полномасштабную гражданскую войну с распадом страны на множество неподконтрольных центральной власти квазигосударств, с иностранной интервенцией, с экономической и социальной катастрофой.

Проявив политическую гибкость (сумев привлечь на свою сторону большинство, прежде всего, крестьянского населения, национальные окраины), организационный талант, эффективно мобилизовав скудные ресурсы, жестко подавляя сопротивление, большевики к концу 1920 г. победили в Гражданской войне (на Дальнем Востоке – к 1922 г.).

Однако они заигрались в слова, в идеологические химеры, всерьез приняв коммунизм (военный, от нищеты и разрухи) за прообраз коммунизма от сказочного изобилия. Эйфория победителей в гражданской войне на пике успеха была прервана – Кронштадт и антоновщина спустили их на грешную землю: главный питерский военно-революционный таран – матросы и главный социальный союзник – крестьянство жестко и жестоко выступили против власти, истребляя ее представителей, отвергая ее политику. Не оправдались и надежды на мировую революцию: вместо поддержки братьев по классу Советская Россия оказалась во враждебном капиталистическом окружении, в дипломатической и экономической изоляции. Оба условия, определенных Лениным, внешних и внутренних (соглашение диктатуры пролетариата с большинством крестьянства), необходимых для победы социалистической революции в России, к 1921 г. оказались недействительными.

Пришлось вспомнить судьбу якобинцев и «самотермидоризироваться». Панические настроения (Ленин: «Мы провалились») вызвали перемены сверху. Для самих большевиков они стали неожиданностью: еще в начале 1921 г. в логике ВК (по декрету СНК от 7.09.1920 г.) массово национализировали даже мелкую промышленность, использовавшую наем рабочей силы [Бородулина, 2018. С. 139], а в марте 1921 г. на X съезде ВКП(б) приняли решение о замене продразверстки продналогом, ставшее краеугольным камнем всего нэповского разворота.

У последнего было несколько причин: 1) социально-политическая дестабилизация в городе и деревне (сужение главной социальной опоры – рабочего класса – из-за падения промышленного производства, остановки фабрик и заводов, «деклассирование пролетариата»; недовольство рабочих «чрезвычайщиной» и падением уровня жизни, стачки и забастовки; угроза распада политического союза с крестьянством, терпевшим продразверстку в условиях гражданской войны, но выступившего против после ее окончания; повсеместный рост сопротивления, в т.ч. массовые восстания крестьян, мятежи, бандитизм, и др.); 2) экономическая разруха, переходящая в социальную катастрофу (падение промышленного производства до $\frac{1}{5}$, производства потребительских товаров до $\frac{1}{4}$ и сельского хозяй-

ства до $\frac{2}{5}$ от довоенного уровня 1913 г., коллапс транспорта и др.; голод, эпидемии, преступность, бандитизм и т.д.) и неспособность выйти из нее на путях военного коммунизма; 3) военная слабость (выявленная поражением от осколка империи – «панской Польши»), как следствие в том числе отсутствия экономической базы для армии, что особенно опасно было в условиях враждебного окружения и отсутствия революционной поддержки из Европы.

Из причин введения НЭПа вытекали и его главные цели: 1) выход из кризиса за счет рыночных механизмов; восстановление экономики; 2) социально-политическая стабилизация на основе укрепления социальной базы власти – союза рабочих и крестьян и снятия социальной напряженности (путем удовлетворения интересов крестьянства – замены продразверстки продналогом, допущения частной торговли и восстановления экономической базы рабочего класса – промышленности), налаживание стабильного снабжения продуктами городов и товарами деревни; 3) нормализация социальной жизни и смягчение острейших проблем.

НЭП: почему – всерьез, но не надолго

Поворот к НЭПу не был одномоментным (как и последующий выход из него). Концепции общего плана не было. Разработка экономических мер НЭПа продолжалась вплоть до середины 1920-х гг., когда намечается разворот к индустриализации, «социалистической реконструкции» и свертыванию нэповской политики. Поиски эти были полны противоречий. Например, введение продналога первоначально происходило в контексте военно-коммунистической политики по уничтожению денежного хозяйства, в том числе отмены всех денежных налогов [Бокарев, 2006. С. 123].

Можно сказать, что не большевики вводили НЭП, а он заставлял их, сделав один шаг, делать и последующие, вопреки доктринальным установкам, предыдущей практике и доминирующим в партии настроениям. Введя продналог, пришлось вводить и денежную систему, и внутреннюю торговлю, затем допускать частника в промышленность, разрешать аренду госпредприятий, которые государство не могло запустить, иностранные концессии и т.д. Однако у этих цепочек шагов по всем направлениям были пределы, которые власть перешагнуть не хотела, да и не могла: все, что реально угрожало сохранению власти или доминирующим экономическим позициям государства, отменялось или сворачивалось. Например, введя хозрасчет и самокупаемость предприятий, большевики отказывались закрывать нерентабельные крупные фабрики и заводы потому, что это подрывало их социальную базу и наносило ущерб курсу на индустриализацию. И такая экономическая непоследовательность была характерна для всех сфер и направлений НЭПа.

НЭП стал быстрым, методом проб и ошибок, возвратом к относительно нормальной, привычной экономической жизни, с уступками крестьянству, с использованием элементов рыночной экономики – с разрешением сначала продуктообмена, а затем и денежной системы и торговли, с допущением предпринимательства, но с сохранением всех «командных высот» в экономике за государством (монополия партии на власть, госсектор в экономике, финансовая система, монополия внешней торговли). И то, что НЭП «всерьез и надолго», хотя и с оговоркой что «не навсегда», трактовалось по-разному. Оптимисты (в основном вне партии и в эмиграции) восприняли перемены как надежду на то, что Россия после естественных для революции эксцессов вернется к состоянию нормальной европейской страны («устряловщина»). Энтузиасты военного коммунизма воспринимали НЭП как поражение революции, сопротивляясь уступкам «буржуям».

Следует учесть, что НЭП развертывался в условиях транзита внутрипартийной власти: в него входили, когда главный теоретик и вождь революции Ленин был дееспособен,

но с его тяжелой болезнью и смертью в развернувшейся борьбе за власть выдвигались новые лидеры, активно использовавшие нэповскую тематику.

Но дело, конечно, не только во внутривнутрипартийной борьбе и беспокойстве за судьбу партии. Коммунисты, оказавшиеся без поддержки мировой революции и обладая монополией на власть, вынуждены были мыслить категориями государственных интересов и определять стратегию развития страны в капиталистическом окружении, вокруг чего и происходили ожесточенные споры, стимулированные, среди прочего, кризисами НЭПа. Но дискуссии в партии шли о НЭПе не как о стратегии, а как о тактическом отступлении, не о том, как усовершенствовать и развить нэповскую систему, а о степени уступок и временных его границах, о том, как далеко он может зайти и какие угрозы несет власти большевиков. Неслучайно экономическая либерализация (сравнительно с военным коммунизмом, но не дореволюционной практикой) сопровождалась политическим ужесточением (свертывание внутривнутрипартийной демократии, высылкой ярких представителей интеллигенции с оппозиционными установками за границу, жестким подавлением любых антисоветских проявлений).

Даже самая пронэповская позиция Бухарина была противоречива и непоследовательна: она не шла дальше рассмотрения НЭПа в качестве тактического инструмента продвижения к социализму как к обществу с прямым безденежным распределением продуктов, при этом с утопическим взглядом, что товарно-денежные отношения сами собой отомрут. В смертельно опасной исторической ситуации, когда выжить страна могла, только осуществив индустриальный рывок (и сделать его нужно было «любой ценой»), Бухарин отстаивал идею пропорциональности распределения труда и производства между отраслями, фактически эволюционного (а значит, при самом благоприятном развитии событий, долговременного) пути, но времени и благоприятных условий как раз и не было.

В ситуации (внутренней и внешней), в которой вводился, реализовывался и сворачивался НЭП, не могло быть идеальных экономических решений: слишком тяжелым было историческое наследие (дальнее и ближнее) – имперского времени (фундаментальное отставание российского общества: реликты сословности, социальной структуры, в т.ч. ⁴/₅ крестьянского населения, неразвитость города, низкий уровень индустриализации), мировой и гражданской войн, военной интервенции (разруха, социальные расколы и ожесточение). Слишком жесткими были реалии исторической ситуации: фактически тотальная блокада молодого постреволюционного советского государства враждебным капиталистическим окружением, сохраняющаяся угроза внешней агрессии при нарастании вероятности большой войны, военная слабость при отсутствии экономической базы для технического перевооружения армии. И невероятно трудными, казалось бы фантастическими, являлись в этих условиях объективно стоявшие перед страной задачи (ключевой из которых была необходимость индустриального рывка), помноженные на «социалистический проект» комплексной модернизации. И все это – при полном отсутствии внешних источников инвестирования и возможности опираться исключительно на собственные силы, при крайней ограниченности необходимых внутренних ресурсов для инвестирования в реконструкцию промышленности и нарастающих сомнениях в возможности их мобилизовать в контексте сохранения НЭПа. К тому же власть действовала в ситуации исторического цейтнота, когда внешняя угроза, требовавшая адекватного, причем форсированного ответа в виде укрепления обороноспособности, могла быть нейтрализована лишь путем преодоления индустриального отставания, обретения технико-технологической независимости от импорта оборудования и технологий, возможности получения которых в условиях фактической внешней экономической изоляции (сначала полной, а потом частичной) были крайне ограничены и нестабильны.

Хороших сценариев для всех слоев общества (и общества в целом) без жертв и лишений в реальной ситуации не существовало. В любом варианте НЭП изначально имел

политические и экономические пределы и в отнюдь не дальней перспективе был обречен. НЭП для партии был отступлением – вынужденным и временным. Он не изменил сущности сформировавшейся идеолого-политической системы с однопартийной диктатурой, с ориентацией на создание экономики по принципу единой фабрики, с командно-репрессивными методами управления (Ленин в 1922 г.: «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и террору экономическому»). [Ленин, 1964. С. 428]. Партийно-государственный аппарат был в целом настроен против НЭПа, который изначально вступал в неразрешимое противоречие с политической системой, выросшей из идеологических догм и практики революции и гражданской войны (на этом несоответствии акцентировал внимание еще Е.Г. Гимпельсон [Гимпельсон, 1993. С. 29–43]).

Поэтому напрасными в свое время были ретромечтания шестидесятников, а затем и энтузиастов и «прорабов перестройки» о демократической и рыночной альтернативе трансформации 1920–1930-х гг. Некоторые авторы до сих пор ищут такую альтернативу в последних работах Ленина [Водолазов, 2020. С. 51–64] и в позиции Бухарина [Водолазов, 2014].

На наш взгляд, такие поиски не вполне корректны: Ленин застал лишь начало нэповского опыта (к тому же поздний Ленин был слишком болен, фактически изолирован от внешнего мира и оставался во взглядах очень противоречивым), не зная о его «зигзагах» и кризисах, а Бухарин был абстрактным теоретиком, опять же с противоречивыми и нереалистичными позициями, все более отодвигаемым от практики принятия и реализации решений. Поиски альтернатив свертыванию НЭПа несостоятельны: они разбились о жестокие реалии того времени, не только внутренние, но и внешние, в том числе о «большую игру», которую вели тогда США и Англия со старыми державами Европы, толкая их к новой мировой войне.

НЭП не был последовательной и системной политикой. Уступки рынку и частнику то расширялись, то сокращались. Поле действия для НЭПа (то есть допущение элементов рыночной экономики) государство предоставляло либо там, где само оказывалось неспособным наладить эффективное производство, распределение и контроль, либо вынуждено было идти на уступки по социально-политическим соображениям, либо где одни уступки тянули за собой другие (аграрная сфера из-за значимости союза с крестьянством плюс обеспечения городов продовольствием; мелкая и средняя промышленность; финансовая сфера как инструмент обеспечения рыночных отношений; внутренняя торговля). Но все командные высоты сохранялись за партией и государством: политическая власть; финансовая система; монополия внешней торговли, госсектор (за ним сохранялись транспорт, вся крупная и частично средняя промышленность). Рыночные элементы соседствовали с административными рычагами и ограничивались ими, включая законодательство, налоговую политику и др., трестирование промышленности и преференции госсектору ограничивали конкуренцию.

И все же большевики отнеслись к НЭПу всерьез, о чем свидетельствуют размеры уступок рынку и расчеты на то, что на этом пути удастся решить целый комплекс проблем экономического и политического порядка (прежде всего восстановление хозяйства и упрочение межклассовой «смычки»). И эти надежды оправдались, но лишь частично: не только власть ограничивала НЭП, но и он сам имел ограниченный потенциал по степени и скорости преодоления проблем, для решения которых он и вводился, и по способам и надежности их решения, которые особенно не устраивали власть.

В сложнейшей исторической ситуации НЭП сыграл свою позитивную роль. На его введение крестьянство отреагировало быстрым возрождением сельского хозяйства, промышленность – возвращением в строй еще дореволюционных производственных фондов. НЭП в целом восстановил экономику; возродил мелко-крестьянское сельское хозяйство, улучшил материальное положение большинства населения, сохранил смычку города и деревни (хотя и с периодическими обострениями).

Однако роль НЭПа была ограниченной, и нельзя преувеличивать его достижения. Позднее вокруг НЭПа возникло немало мифов, на которые обращает внимание ряд исследователей, раскрывая их несостоятельность. Основной миф – либеральный (сконструированный еще шестидесятниками и повторенный «прорабами перестройки»): взгляд на него как на период «невиданных политических и экономических достижений». НЭП, хотя и решил важную задачу восстановления разрушенной войнами экономики, но это, в общем, ординарное явление: послевоенные экономики разных стран восстанавливались и нередко достаточно быстро. Однако противоречия и нараставшие проблемы НЭПа становились нетерпимы, периодические кризисы угрожали социально-экономической и политической стабильности государства.

Речь должна идти не только об отдельных ситуационных кризисах НЭПа или о кризисе НЭПа на его завершающей стадии, а о политике, изначально имевшей ограниченный потенциал, носившей в себе неразрешимые противоречия, а потому объективно являвшейся кризисной по своей природе и с неизбежностью перманентно порождавшей кризисы разных видов и порядка.

Явившись ответом на вызов, заключающийся в угрозе власти большевиков в 1921 г., в переходный период от гражданской войны к миру, сутью которой была необходимость в переходе от чрезвычайщины к нормальной (а значит, в целом к привычной для большинства населения мирной жизни), НЭП рассматривался ими как тактический инструмент восстановления экономики и на этой основе предполагалось укрепить поставленную под вопрос смычку с крестьянством, улучшить положение своей главной социальной основы – рабочего класса, добиться в целом социальной нормализации и успокоения страны. Вводя НЭП, лидеры большевиков сами не представляли, как далеко они зайдут в своем отступлении, в уступках крестьянству и частнику, в допущении рыночных механизмов, и на протяжении всего нэповского (условно – десятилетнего) периода в дискуссиях и в практике нащупывали и допустимые границы, и формы и методы реализации нэповского курса.

НЭП не стал целостной, последовательной системой: он упирался в политические и экономические ограничения. Частное предпринимательство ограничивалось даже на начальном «восходящем» его этапе, не говоря уже о начавшемся свертывании с середины 1920-х гг. Государство продолжало регулировать экономику административными мерами, в том числе нарушая введенные принципы самокупаемости и хозрасчета, например, отказываясь ликвидировать крупные нерентабельные предприятия.

При НЭПе сохранялись и даже росли безработица, забастовочное движение, шло имущественное расслоение города и деревни, порождавшие социальное недовольство и нестабильность.

Ключевым противоречием НЭПа во взаимоотношениях города и деревни были «ножницы цен» – разница между ценами на промышленную и сельхозпродукцию в ущерб селу. Монополия синдикатов на рынке промтоваров, приведшая к произвольному подъему цен, вызвала кризис сбыта 1923 г. в государственной промышленности: затовариванию с последующей остановкой ряда предприятий и ростом безработицы.

В 1925 г. разразился товарный кризис со срывом хлебозаготовительной кампании и экспортных поставок. Росло недовольство, тормозилась индустриализация. Из кризиса власть выходила с намерениями ограничить частника и сокращать рыночные рычаги, «прижать» кулачество, которое в результате кризиса сумело сосредоточить в своих руках огромные финансовые ресурсы.

Третий кризис НЭПа 1927–1928 гг. был простимулирован обострением международных отношений (разрыв дипотношений с Англией и др.), приведшим к потребительской панике в совокупности с неурожаем в ряде регионов. Под угрозой оказалось снабжение городов, армии и части социальных категорий населения. Кризис вызвал введение карточной системы на ряд видов продовольствия. Хлебный дефицит был ликвидирован с огром-

ным трудом и издержками. Рост спекуляции, усиление частника власть расценила как кризис нэповской политики, подтолкнувший преследование кулачества и принятие курса на сплошную коллективизацию деревни (1928–1929 гг.)

К концу 1920-х гг. НЭП в целом выполнил свои задачи по восстановлению экономики, поддержанию «смычки» города и деревни, по социально-политической стабилизации в стране. Реализовав максимум своих созидательных возможностей, НЭП фактически исчерпал свой позитивный потенциал, тогда как проблемный потенциал лишь нарастал.

Так была ли альтернатива свертыванию НЭПа?

Во второй половине 1920-х гг. происходило исчерпание позитивного потенциала НЭПа, тем более в контексте перехода страны от решения восстановительных задач к созидательным и преобразовательным.

Середина 1920-х гг. представляет собой одну из важнейших развилок советской истории. К 1925–1926 гг. восстановление экономики в целом завершилось, и СССР оказался перед выбором: или осуществить индустриальный прорыв, или «превратиться в сырьевой придаток мировой экономики» [Соболев, 2014. С.138]. Однако в реальности выбор оказался еще более жестким: речь шла о выживании, причем не только государства, но и страны, народов и самой российской цивилизации. Курс на индустриализацию, провозглашенный на XIV съезде ВКП (б) в 1925 г. под лозунгом «Превратим СССР из страны, ввозящей машины, в страну, производящую машины!» и на «социалистическую реконструкцию» подверг НЭП суровым испытаниям не только потому, что нэповская модель противоречила последовательно проводимой идее социализма, но из-за ее многочисленных «сюрпризов», порождавших кризисы, экономическую и социальную нестабильность, а главное – стал тормозить реализацию стратегического курса.

Решая ситуационные проблемы собственного политического выживания и выхода страны из постреволюционной и послевоенной катастрофы, инструментом чего и являлся НЭП, большевики никогда не забывали о стратегической перспективе, которая ими мыслилась в рамках применения своей леворадикальной марксистской доктрины к специфическим внутренним и внешним условиям существования России 1920–1930-х гг., о национально-государственных интересах.

Совершая маневры, отказываясь (чаще всего, временно) от некоторых своих ситуационных планов, большевики и их наследники («сталинская гвардия») держали в уме общий вектор движения страны к социальным преобразованиям в духе «коммунистической идеи», а в недалекой перспективе – создание социализма как общества экономически развитого, вобравшего в себя передовые достижения мировой науки, техники и культуры.

Но на этом пути решали приземленные задачи, стоявшие перед отсталой, да еще и разоренной войнами страной. Их и призван был хотя бы частично решить на основе экономического восстановления НЭП. Однако НЭП постоянно продуцировал кризисы, в том числе не исключил возможность кризисов взаимоотношений города и деревни, делал их нестабильными.

С началом нового, реконструктивного периода обозначились признаки исчерпания НЭПа.

С 1926 г. началась политика вытеснения частного капитала в промышленности, который стали ставить в неравноправное положение с госсектором: повышали тарифы на перевозки, прекращали госкредитование частных предприятий, стали ликвидировать синдикаты, затем перестали возобновлять и заключать новые договора об аренде госпредприятий. В 1927 г. был введен налог на сверхприбыль, сокращалось число иностранных

концессий, большинство из которых было ликвидировано к 1930 г., а на следующий год ликвидирована и частная промышленность.

Ситуационные факторы не детерминировали, но существенно ускоряли свертывание НЭПа, причем внутренние смыкались с внешними. Так, на судьбу НЭПа повлияло обострение международной обстановки (в первую очередь, отношений с Китаем, Англией и Польшей в 1927 г.), стимулировав кризис 1927–1928 гг. (слухи о скорой войне вызвали потребительскую панику, скупку продуктов и товаров, вызвав острый дефицит хлеба, соли, сахара и др., сокращение потребительских норм в армии). Но из-за низких заготовительных цен (при высоких ценах у частника) план хлебозаготовок был сорван, вызвав цепную реакцию срыва экспортных поставок и валютных поступлений, а внутри страны – продовольственный кризис в городах и товарный – во всей стране. При этом частник, естественно, накручивал цены. Сталин предложил принять меры, напоминающие продразверстку, в частности, распределять четверть конфискованного хлеба среди деревенской бедноты, столкнув два социальных полюса – крестьянскую бедноту с кулачеством, обвинив последнее в срыве хлебозаготовок и потребовав сдавать хлебные излишки по твердым ценам. Была возвращена карточная система (при НЭПе!) и методы военного коммунизма – насильственное изъятие продовольствия.

С 1928 г. завершился переход экономики на плановую систему (с октября 1928 г. началось выполнение плана первого пятилетнего плана), в 1929 г. – переход на карточную систему снабжения (госраспределение). В начале 1930 г. ликвидированы товарные биржи и ярмарки.

НЭП выполнил свою историческую миссию, восстановив экономику, и прежде всего промышленность (но на старой и изношенной технической базе), смягчил противоречия между городом и деревней, снизил угрозы «смычке» рабочего класса и крестьянства. Однако НЭП по природе своей был слишком противоречивой политикой, неадекватной политической системе, которую никто не собирался менять. Смягчив наиболее острые проявления социальной нестабильности, вызванные разрухой и эксцессами военного коммунизма, НЭП порождает другие – социальную дифференциацию, рост безработицы. Да и социально-экономические его результаты были скромны и противоречивы.

К концу 1920-х гг. страна оставалась аграрной: в промышленности была занята $\frac{1}{10}$ часть населения, и она давала менее четверти национального дохода. Индустриализация тормозилась, а технико-технологическое отставание страны от развитых держав увеличивалось. Нетерпимость такого положения подтверждалась и доктринальными установками о необходимости для победы социализма сочетания мощной передовой промышленности с основанным на машинном труде сельским хозяйством, что и должно было обеспечить высокую производительность труда.

Однако практика НЭПа показала, что сугубо экономическими методами было невозможно стабильно получать от крестьянства необходимые для индустриализации средства и ресурсы. Крестьянство оставалось сословием средневековья. Будущее было за индустриальным городом, за городской цивилизацией, в которую стремилась прорваться советская власть. Осередняченное крестьянство по природе своей склонно к натурализации хозяйства и не готово к расширению производства сверх необходимого, и уж тем более к совершенствованию агрикультуры и технической модернизации. Но у страны не было времени и сил на «умасливание» единоличного крестьянства, не склонного ни мыслить категориями общегосударственных интересов, ни вырваться за пределы полунатурального хозяйства.

В ряду либеральных мифов – оценка свертывания НЭПа как результата субъективного фактора, прежде всего тиранической воли Сталина и его единомышленников. Но почему Сталин, яро боровшийся с позицией Троцкого и Преображенского в 1925 г., повернул к политике возврата к жестким административным методам в 1928 г.? Неужели он руководствовался только задачами борьбы за власть? Или, находясь у руля страны, он на

практике столкнулся с необходимостью свертыwania нэповской политики? Особенно при угрозе внешней агрессии и тем более большой войны, которая могла разразиться в любой момент (об этом многократно напоминали и дипломатические обострения, и военные инциденты на границах в 1920-е гг. и в дальнейшем).

Реальная мировая ситуация, угрожавшая самому существованию СССР, была важнее доктринальных установок. Вопрос стоял однозначно: либо форсировано превратить страну в индустриальную, кардинально подняв уровень обороноспособности, либо погибнуть. «Страну ждала “война техники”, к которой она готовилась, преодолевая свое отставание в кратчайшие сроки. Не подготовиться к войне означало обречь государство на неминуемое поражение» [Шалак, 2015. С. 801]. И сделать это могла только страна целиком, включая село, в котором проживало 4/5 всего населения, крестьянство.

К концу 1920-х гг. партия на основе итогов НЭПа прочно укрепилась у власти, и сочла, что нэповский тактический маневр временного отступления социализма себя исчерпал. Решать задачи форсированной индустриализации в крайне нестабильных нэповских условиях сочли невозможным. Из двух альтернатив: нэповской (бухаринской) и стратегической – форсированной индустриализации с упором на тяжелую промышленность и сопутствующим комплексом преобразований в аграрной сфере – окончательно выбрали вторую.

Была ли реальной альтернатива свертыванию НЭПа? Абстрактно-теоретически – да (политически ее воплощала линия Бухарина). Но это была альтернатива отсутствия значимого прогресса в сельском хозяйстве, застой в объемах его продукции, при нестабильности отношений города и деревни, а главное – невозможности получить из этого главного источника накоплений необходимые ресурсы и средства на индустриализацию. Бухаринская альтернатива эволюционного сбалансированного развития аграрного и индустриального секторов не могла реализоваться по любой из следующих причин (и тем более их совокупности): 1) объективная потребность в индустриальном рывке (исторический цейтнот); 2) отсутствие внешних источников финансирования; 3) неспособность середняцкой деревни к быстрому прогрессу и склонности к натурализации хозяйства; 4) позиция партийно-государственного аппарата, заинтересованного в усилении административных рычагов в экономике.

НЭП терпели, пока он, работая на восстановление, одновременно создавал помехи тактике, но свернули, когда он начал становиться препятствием для реализации стратегии. Ускорение темпов экономического развития при отсутствии внешних инвестиций и должных внутренних ресурсов требовало компенсации на путях государственного администрирования, способных мобилизовать все имеющиеся резервы.

Экономический тупик для сельского хозяйства, если бы оно в 1930-е гг. продолжало развиваться в рамках гипотетического продолжения НЭПа, хорошо продемонстрировано в контрфактической модели российских исследователей [Бородкин, Свищев, 1992. С. 348–365], представившей ретропрогноз, как развивалась бы доколхозная деревня, если бы не была проведена коллективизация. Они пришли к выводу, что «долгий НЭП» снизил бы долю бедняков при незначительном росте богатых хозяйств, ведя к дальнейшему осреднячиванию деревни. Посевы и поголовье скота выросли бы, но количество рабочего скота на единицу пашни упало бы примерно на 10%, доля посевной пахотной земли осталась бы неизменной. Никакого взрывного роста аграрной экономики, о которой твердят «певцы НЭПа», имитационная модель не показала.

Но не только в сельском хозяйстве, а в промышленности, при всех успехах, были проблемы: восстановление происходило на устаревшей и изношенной технической базе, а потому технологическое отставание в годы НЭПа от капиталистических стран увеличивалось. К тому же с 1925 г. восстановительный подъем стал затухать. В целом годы НЭПа оказались застойными в технологическом обновлении производства. Но и это не было главным.

Экономика не была (и, как показала история, не могла быть) приоритетом большевиков. Их ключевыми задачами (вытекающими из цели построения социализма) было сохранение и укрепление своей власти, советского государства и его безопасности (вопреки их же дореволюционным догматам). Но, решая эти задачи, большевики, а в еще большей степени Сталин «и его команда», став государственниками, вынуждены были выдвигать на первое место экономическую модернизацию, структурные и технологические преобразования народного хозяйства, которые перерастали в системную трансформацию и модернизацию общества. Следует согласиться с позицией Э.Н. Соболева, что коренной порок нэповской системы – ее «неспособность обеспечить всестороннюю модернизацию российского общества» [Соболев, 2014. С. 130].

Сохранение НЭПа означало экономическую и социальную нестабильность и ставило под вопрос надежность получения ресурсов для нужд индустриализации, экспорта сельхозпродукции и импорта оборудования для строящихся фабрик и заводов, хлебопоставок для растущих городов.

На наш взгляд было две основных причины, сделавшие свертывание НЭП неизбежным: 1) политико-идеологическая – исходное отношение большевиков к НЭПу как временному отступлению от курса на социализм, экономика которого представлялась как единая фабрика; 2) внешняя безопасность – прогноз неизбежного военного столкновения, новой большой войны и вследствие этого необходимость преодоления огромного отставания от наиболее мощных и враждебных стран капиталистического окружения, что невозможно было сделать на путях НЭПа. Остальное было лишь факторами, продлившими НЭП (от первоначального прогноза на 1,5–2 года до туманного «надолго») или сокращавшими его существование.

Нэповская практика лишь укрепляла позиции его противников: многочисленные кризисы нэпа; стагнация после 1925–1926 гг. в ряде отраслей, включая сельское хозяйство и промышленный рост; невозможность крупных накоплений и, соответственно, инвестиций в промышленность, поскольку мелкокрестьянское хозяйство было скорее натуральным, ориентированным на собственное потребление, нежели на товарное производство, не способным к существенному техническому прогрессу и развитию. Вынужденный неэквивалентный обмен между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством (как инструмент накопления, перекачки средств из аграрного сектора в индустриальный) делал напряженные отношения крестьян с властью и нежелание крестьян наращивать производство хроническими. Важнейшим фактором, «приговорившим» НЭП, был фактор времени: мировая революция оказалась химерой, а прогноз о большой войне стал более актуальным.

Автору статьи уже приходилось собирать и издавать обширный сборник статей, отражающий ключевые позиции российских исследователей в 2000-е годы по нэповской проблематике [Сенявский, 2006], а также проводить анализ состояния историографической ситуации на тот момент, предлагая и собственные решения по важнейшим аспектам реализации и свертывания НЭПа [Там же]. С тех пор принципиальных изменений в освещении НЭПа российскими историками и другими специалистами не произошло. На наш взгляд, ключ к пониманию судьбы НЭПа, его свертывание нужно искать далеко не только (а может и не столько) в узко экономических проблемах страны, сколько в широком контексте исторической эпохи трансформации аграрных обществ в индустриально-урбанизированные, и кризиса капитализма, породившего острейшие межгосударственные противоречия, разрешавшиеся в мировых войнах, крахе империй.

Ответом на проблемы планетарного масштаба стало выдвижение глобальных общественных проектов лево- и праворадикальной окраски. Россия в этом контексте выживала в форме СССР, реализовывавшего левый социальный проект, в рамках которого преодолевалась смертельно опасное отставание, доставшееся от имперского периода,

в иных формах и иными способами, опираясь на низшие классы, то есть на подавляющее большинство народа.

Не отдельные ситуационные кризисы НЭПа решили его судьбу, настроив власть против сохранения и продолжения этой политики. В свертывание НЭПа весомый вклад внесли разнообразные собственно экономические факторы [Соколов, 2020. С. 122–129]. Вместе с тем, НЭП как система вступал в острейшие противоречия и с природой нового пролетарского государства, с вектором трансформации общества, которая задумывалась и осуществлялась властью, и с характером и темпами решения проблем, обозначенных перед страной историческим периодом, с поставленными для их решения целями и задачами. На наш взгляд, очень точное определение применительно к НЭПу дал Ю.П.Бокарев: «самоорганизующаяся и саморазрушающаяся система» [Бокарев, 2006. С. 121]. На начальных его этапах доминировало первое (НЭП вырос из уступок со стороны власти рынку, одни из которых подталкивали другие), а с середины 1920-х гг., по нарастающей – второе (кризисы раздражали власть, заставляли ее все более негативно относиться к НЭПу в целом, искать другие, нерыночные решения, сворачивая прежние уступки). Но в основе лежала изначальная несовместимость НЭПа с политической системой и негативным отношением партийных функционеров к нему как к вынужденному отступлению. И судьба его была предрешена не тогда, когда накопилась критическая масса негативных проявлений НЭПа (а это примерно 1927–1928 гг.), а с момента поворота к нему от военного коммунизма. НЭП терпели, когда он давал быстрые результаты, и перестали – когда он забуксовал, перестал оправдывать возлагавшиеся на него надежды и тем более порождать свои трудности и проблемы, не говоря уже о угрозах реализации выдвигаемых планов и стабильности власти. А главное – НЭП пошел вразрез с переходом к форсированной индустриализации.

Перед властью (и страной) вопрос стоял не о том, как наиболее гармонично для различных социальных категорий выстроить экономические отношения, в том числе наиболее благоприятно для крестьянства (нереалистичный подход Бухарина), а о выживании страны, народа, государства и самой российской цивилизации.

Идеальных, безболезненных решений этой проблемы не было. Преодоление векового отставания от мировых лидеров, прежде всего, форсированная индустриализация должны были быть осуществлены, причем любой ценой, а в рамках НЭПа это было невозможно.

Верен ли был выбранный мобилизационный курс

Новая экономическая политика не провалилась. Она, также как ранее военный коммунизм, выполнив свои задачи, изжила себя, уступив место более адекватной требованиям ситуации и перспективе форсированной индустриализации, на основе перехода к плано-мобилизационной модели развития в контексте системной модернизации «по-советски».

Это не был возврат к военному коммунизму, это не была ликвидация НЭПа (фактическое свертывание остатков НЭПа произошло 11 октября 1931 г., когда было принято решение о полной ликвидации частной торговли, а официально о прекращении НЭПа было заявлено лишь в 1935 г. В.М. Молотовым) Это был новый курс, но вобравший в себя и военно-коммунистический, и нэповский опыт (хотя прежние этапы решали иные задачи – выживания и выхода из катастрофы). И опыт этот, принципиально новый для большевиков, впервые оказавшихся у власти и впервые в истории решавших сложнейшие задачи в экстремальных исторических условиях, был осмыслен и адекватно, очень эффективно применен. Это был курс реализации стратегии развития – форсированного, с опорой страны на собственные силы, за счет мобилизации всех ресурсов, в т.ч. ограничения потребления всеми слоями, на основе новых форм организации социальной жизни.

Оказавшись в ситуации исторического цейтнота, лидеры партии и государства вынуждены были пойти на форсированную индустриализацию с формированием мобилизационной модели развития: комплексной программы трансформации не только экономики, но всего общества, через индустриализацию с упором на тяжелую индустрию, с подкреплением этого главного вектора коллективизацией крестьянства и культурной революцией. Коллективизация одновременно усиливала позиции социализма в деревне, инструменты контроля со стороны государства; расширяла возможности повысить товарность сельского хозяйства и увеличить долю и размеры накоплений на индустриализацию; массово внедряла технику на селе, повышала производительность труда, обеспечивала сбыт целой линейки индустриальной продукции; гарантировала лояльность деревни. Культурная революция повышала идеологическую лояльность общества, а главное, обеспечивала перспективное снабжение индустрии кадрами.

Как и в любом крупном социальном явлении, от трансформации 1930-х гг. в СССР были выигравшие (большинство населения), а были и проигравшие, и пострадавшие (меньшинство).

И стенания со стороны западных исследователей по поводу «голодомора», «насильственной коллективизации» крестьянства, «массовых репрессий» напоминают крокодиловы слезы: во-первых, в голод начала 1930-х гг. внесли свою лепту кабальные договоры на советские поставки хлеба западным странам. Во-вторых, гиперболизация и «черные мифы» вокруг этих явлений создавались в контексте информационно-психологической войны против СССР (внеся свой вклад и в его разрушение, а к науке они не имели никакого отношения).

А цена (если мыслить в этих категориях) была заплачена не только за «построение социализма», но и за цивилизационный рывок отсталой страны, и за ее выживание во Второй мировой войны.

Верность избранного тогда курса в конечном счете подтвердил ход истории – выживание и победа СССР в Великой Отечественной войне, в которой «демократические» и «экономические» нации Европы, подмятые гитлеровской Германией, совершили нашествие на «дикую, тоталитарную» Россию.

Подтверждает эти выводы и контрфактическая ретромоделю канадского автора Р. Аллена (Allen Robert C. Capital Accumulation, the Soft Budget Constraint and Soviet Industrialization // UBC Department of Economics Discussion Paper. November 1997; дана в изложении Ю.В. Латова) [Латов, 2008. С. 55–59] В ней показано, что необычайно быстрый рост советского ВВП, и особенно промышленности, в годы первых трех пятилеток в основном объясняется ставкой на приоритет тяжелой индустрии, сочетания жесткого планирования с мягкими бюджетными ограничениями (на очень либеральных условиях банковского кредитования предприятий независимо от полученной ими прибыли). Добавленная стоимость, прежде всего в промышленности, в среднем ежегодно росла на 10,4%. «Для межвоенного периода, когда капиталистический мир был повержен в депрессию и обусловленный экспортом рост был невозможен, советские результаты замечательны, – пишет Р. Аллен. И подчеркивает, что важнейшее значение для советской индустриализации имела инвестиционная стратегия, делающая ставку на тяжелую промышленность, и сочетание высоких заданий по выпуску продукции с мягкими бюджетными ограничениями» [Цит. по: Латов, 2008 С. 55]. То есть главным для экономических успехов были выбор и реализация стратегии сталинской модернизации. А реализовать ее можно было только в рамках мобилизационной модели.

Начавшаяся в мире Великая депрессия подтвердила правильность курса на свертывание НЭПа: она, одной стороны, резко повысила вероятность новой мировой войны, с другой – открыла окно возможностей для СССР. Западные страны, стремившиеся держать советскую страну в экономической изоляции, теперь готовы были продавать обо-

рудование, технологии, делиться квалифицированными кадрами и даже строить заводы и фабрики. Начиная с 1929 г. все 1930-е гг. экономика почти всего западного мира обвалилась и стагнировала. СССР же рванул далеко вперед, создавая целые новые отрасли производства, внедряя и осваивая передовые технологии, а на этой основе модернизируя и перевооружая армию. СССР не просто развивался, а за кратчайшие сроки преодолел вековое отставание на передовой тогда технологической основе. (Ситуация обратная постсоветской: когда большинство стран развивалось, демократическая Россия в ходе рыночных реформ и «дикий приватизации» обрушила экономику, а затем почти три десятилетия деградировала и стагнировала).

Не смог Р. Аллен и опровергнуть значительный вклад коллективизации в успех индустриальный рывка СССР, хотя, похоже, и ставил (не явно) такую задачу. Он вынужден признать, что даже при его, вызывающей вопросы, методике подсчетов, вклад (хотя и не столь большой – 12% добавленной стоимости в несельскохозяйственном производстве из 3-х избранных автором факторов) все же был. Это, во-первых. Во-вторых, не стоит видеть в этой модели абсолютную истину, тем более что исходная установка в исследовании на понижение роли коллективизации, вероятно, отразилась на результате. В-третьих, автор не принимает во внимание ни возможности повторения нэповской нестабильности в поставках зерна и различных кризисов НЭПа, включая кризисы хлебозаготовок, несколько раз потрясавших страну, ни стремление середняцких хозяйств к натурализации и преимущественно внутреннему потреблению произведенного. И, наконец, проводя коллективизацию, власть преследовала далеко не только «фискальные» цели по изъятию из села средств на индустриализацию, но искренне надеялась на создание в перспективе цивилизованного и процветающего социалистического сектора в сельском хозяйстве, на укрепление взаимоотношений города и деревни, на их взаимовыгодный товарообмен – стабильное снабжение города сельхозпродуктами, а деревни – индустриальными товарами, включая технику для колхозов. Главными же для форсированной индустриализации были: политическая лояльность села, отсутствие «сюрпризов», которые в период НЭПа неоднократно преподносила середняцкая деревня, стабильное поступление из нее ресурсов для индустрии, а также массовый приток рабочих кадров для города. Коллективизация решала не только собственно экономические, но и целый комплекс других задач, включая перечисленные, большинство из которых НЭП решить был не способен, особенно в кратчайшие сроки.

Упрекать СССР в жесткости политического режима и методов управления, в том числе в экономике, также некорректно с исторической точки зрения. В иных, нежели СССР 1930-х гг., намного более благоприятных условиях переход от аграрного к индустриальному обществу совершали многие страны, с трансформацией политических систем, общественных отношений. И, хотя такая трансформация осуществлялась в иных масштабах и формах, некоторые тенденции были универсальны. Например, для эпохи индустриального перехода, каковой для большинства стран мира оказалась первая половина XX в., особенно 1930-е гг., характерно доминирование авторитарных и тоталитарных режимов. И это не случайно: трансформация аграрного в индустриальное общество всегда порождает фундаментальную нестабильность общества, противовесом чему становятся жесткие формы его организации.

Россия в 1920–1930-е гг. оказалась не просто в экстремальной ситуации, а в экстремальном периоде своей истории, когда стоял вопрос не о том, как обеспечить наиболее благоприятное, гармоничное развитие общества, а о его выживании, и выбор путей развития фактически проходил между выбором жизни или смерти страны, народа и самой российской цивилизации. Хороших, безболезненных решений просто не было, а чрезвычайные условия «исторического цейтнота» требовали чрезвычайных мер и соответствующих им форм организации социальной жизни.

Выбор стратегии – смена партийного курса от решения задач восстановления к реализации стратегии форсированного индустриального развития, на основе пятилетних

планов, при ставке на приоритет роста тяжелой индустрии – оказался верен, потому что решал одновременно несколько задач: создание фундамента для всей индустриализации (включая в дальнейшем подтягивание легкой промышленности) и основы аграрного развития на новой технико-технологической базе. А главное, он материально-технически подкреплял оборону страны, обеспечивая перевооружение армии в текущий период и возможности ее модернизации в будущем, что было ключевой задачей для выживания страны. Альтернатива свертыванию НЭПа и сталинской модернизации абстрактно-теоретически была – затягивание НЭПа. Но в свете полностью оправдавшегося прогноза о неизбежности большой войны, реализованного в агрессии нацистской Германии и подмятой ею Европы против СССР, это была альтернатива гибели России как государства и цивилизации [Сенявский, 2006. С. 5–25].

Сегодня фокус критики этого курса направлен на ошибки планирования, на коррекции планов в сторону завышения, чему противопоставляются умеренные, реалистические подходы сторонников «гармоничного» и постепенного развития, а также на срывах пятилетних заданий. Но вряд ли стоит упрекать руководителей страны, которая впервые приступала к столь грандиозным задачам, не имея опыта и достаточных ресурсов, а из-за рубежа получавших не поддержку, а агрессивную враждебность. Завышенные планы играли мобилизующую роль, направляли к сверхнапряжению сил страны, что дало свои результаты, пусть и не все, на которые рассчитывали. И суть – не в формальном выполнении (или не полном выполнении) плановых заданий пятилеток, а в том, что они смогли мобилизовать страну на экономический рывок, на реальные достижения, воспринимавшиеся как советское «экономическое чудо», обеспечившие возможность выживания страны, особенно в контексте ее недалекого будущего – в противостоянии военному нашествию нацистской Европы.

ЛИТЕРАТУРА

- Бокарев Ю.П. (2006). Нэп как самоорганизующаяся и саморазрушающаяся система // Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН. С. 121–133.
- Бородкин Л.И., Свищев М.А. (1992). Ретропрогнозирование социальной динамики доколхозного крестьянства: использование имитационно-альтернативных моделей // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. М. С. 348–365.
- Бородулина Е.В. (2018). Денационализация и аренда в мелкой промышленности Сибири при переходе от военного коммунизма к новой экономической политике (1921–1923 годы) // Научный диалог. № 1. С. 137–157.
- Водолазов Г.Г. (2014). Альтернативы истории и история альтернатив (Н.И. Бухарин против казарменного коммунизма). Статья первая // Социс. № 8. С. 105–113.
- Водолазов Г. Г. (2014). Альтернативы истории и история альтернатив (Н.И. Бухарин против казарменного коммунизма) // Социс. № 11. С. 129–139.
- Водолазов Г.Г. (2020). Ленинское наследие: вода живая и мертвая. Ч. 1 // Вопросы теоретической экономики. № 2. С. 51–64.
- Гимпельсон Е.Г. (1993). Политическая система и НЭП: неадекватность реформ // Отечественная история. №2. С. 29–43.
- Латов Ю.В. (2008). «Что если бы» в современной клиометрике // Историко-экономические исследования. Т. 9. № 3. С. 55–59.
- Ленин В.И. (1964). Письмо Л.Б. Каменеву / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 44. М.: Политиздат. С. 428.
- Сенявский А.С. (2006). Новая экономическая политика: современные подходы и перспективы изучения // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН. С. 5–25.
- Соболев Э.Н. (2014). Кризис нэпа и выбор пути социально-экономического развития России // Вестник Института экономики РАН. № 1. С. 130–139.
- Соколов А.С. (2020). Сворачивание НЭПа: экономические факторы // Вопросы теоретической экономики. № 2. С. 122–129.
- Шалак А.В. (2015). Идеология вместо фактов, или как интерпретируют нашу экономическую историю // Историко-экономические исследования. Т. 16. № 4. С. 791–908.

Сенявский Александр Спартакович

alex_senyavsky@mail.ru

Alexandr Senyavskiy

Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow

senyavsky@yandex.ru

WAS AN ALTERNATIVE WRAPPING NEW ECONOMIC POLICY?

Abstract. The article examines the logic of the deployment of post-revolutionary processes until the early 1930s. It is shown that War Communism was a tool for survival in a catastrophe, NEP – a way out of it. It is proved that the NEP did not and could not become an instrument of development. Entering into an insoluble contradiction with the political system that grew out of revolution and civil war, it was initially viewed as a forced retreat, as a tactical means of socio-political stabilization and economic recovery, but not as a development strategy and comprehensive modernization. Partially solving some problems, the NEP gave rise to others, incl. new imbalances in the economy, social contradictions, carried a threat to power. And most importantly, it turned out to be untenable in the context of a perceived external threat and the need to forcefully overcome the lag behind potential adversaries in a future big war. The numerous crises of the NEP only accelerated its phased curtailment. The transition to the planned mobilization model of development was the last act of the historical drama, the natural result of the actual self-destruction of the NEP.

Key words: *new economic policy, contradictions, crises, forced industrial modernization, mobilization model of development.*

JEL classification: B 24, N14, N 24, N 44.

REFERENCES

- Bokarev Yu.P.* (2006) NEP kak samoorganizuyushchayasya i samorazrushayushchayasya sistema // Nep: ekonomicheskkiye, politicheskkiye i sotsiokul'turnyye aspekty [NEP as a self-organizing and self-destructive system // NEP: economic, political and socio-cultural aspects]. M.: ROSSPEN. 2006. Pp. 121–133.
- Borodkin L.I., Svishchev M.A.* (1992). Retroprognozirovaniye sotsial'noy dinamiki dokolkhoznogo krest'yanstva: ispol'zovaniye imitatsionno-al'ternativnykh modeley // Rossiya i SSHA na rubezhe XIX–XX vv. Matematicheskkiye metody v istoricheskikh issledovaniyakh [Retro forecasting of the social dynamics of the pre-collective farm peasantry: the use of imitation-alternative models]. M. Pp. 348–365.
- Borodulina Ye.V.* (2018). Denatsionalizatsiya i аренда v melkoy promyshlennosti Sibiri pri perekhode ot voyennogo kommunizma k novoy ekonomicheskoy politike (1921–1923 gody) [Denationalization and leasing in the small industry of Siberia during the transition from war communism to the new economic policy (1921–1923)]. // Nauchnyy dialog. 2018. № 1. Pp. 137–157.
- Vodolazov G.G.* (2014). Al'ternativy istorii i istoriya al'ternativ (N.I. Bukharin protiv kazarmennogo kommunizma). Stat'ya pervaya [Alternatives to history and history of alternatives (N.I. Bukharin against barracks communism). Article the First] // Sotsis. № 8. Pp. 105–113.
- Vodolazov G.G.* (2014). Al'ternativy istorii i istoriya al'ternativ (N.I. Bukharin protiv kazarmennogo kommunizma). Stat'ya vtoraya [Alternatives to history and history of alternatives (N.I. Bukharin against barracks communism). Article the Second] // Sotsis, 2014, № 11. Pp. 129–139.
- Vodolazov G.G.* (2020). Leninskoye naslediyе: voda zhivaya i mertvaya [Lenin's legacy: water is alive and dead. Part 1] // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. № 2. 2020. Pp. 51–64.
- Gimpel'son Ye.G.* (1993). Politicheskaya sistema i NEP: neadekvatnost' reform [Political System and NEP: Inadequacy of Reforms] // Otechestvennaya istoriya. 1993. №2. Pp. 29–43.
- Latov Yu.V.* (2008). «Chto yesli by» v sovremennoy kliometrike [“What if” in modern cliometrics] // Istoriko-ekonomicheskkiye issledovaniya. T. 9. № 3. Pp. 55–59.
- Lenin V.I.* (1964). Pis'mo L.B. Kamenevu [Letter from L.B. Kamenev] / V.I. Lenin // Poln. Sobr. Soch. T. 44. M.: Politizdat. Pp. 428.
- Senyavskiy A.S.* (2006). Novaya ekonomicheskaya politika: sovremennyye podkhody i perspektivy izucheniya [New Economic Policy: Modern Approaches and Research Prospects] // NEP: ekonomicheskkiye, politicheskkiye i sotsiokul'turnyye aspekty. M.: ROSSPEN. Pp. 5–25.
- Sobolev E.N.* (2014). Krizis nepa i vybor puti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii [The NEP crisis and the choice of the path of socio-economic development of Russia] // Vestnik Instituta ekonomiki RAN. №1. Pp. 130–139.
- Sokolov A.S.* (2020). Svorachivaniye NEPa: ekonomicheskkiye faktory [NEP wrapping: economic factors] // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2020, № 2. Pp. 122–129.
- Shalakh A.V.* (2015). Ideologiya vmesto faktov, ili kak interpretiruyut nashu ekonomicheskuyu istoriyu [Ideology instead of facts, or how our economic history is interpreted] // Istoriko-ekonomicheskkiye issledovaniya. T. 16. № 4. Pp. 791–908.